

СИГНАЛ

Книга 5

СЕДЬМОЙ КРУГ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Седьмой круг

«Автор»

2026

Карадениз М.

Седьмой круг / М. Карадениз — «Автор», 2026

Остановить поставки лекарств в Африку. Заблокировать гуманитарные грузы. Парализовать целые регионы, не сделав ни одного выстрела. Алгоритм «Хамелеон» делает это с пугающей точностью. Его документы безупречны. Его подписи реальны. Его печати... почти идеальны. Почти. Смещение в 0,3 миллиметра выдаёт фальшивку. Кира Соболева и её команда находят след. Семь ключей. Семь стран. Один шанс. Но те, кто создал «Хамелеона», не собираются сдаваться. Они знают каждый шаг команды «Сигнал». Они следят за каждым их движением. И они готовят удар, который изменит всё. Пятая книга серии «Сигнал» — ледяной триллер о цифровом хаосе, предательстве и цене, которую приходится платить за правду.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ЦИФРОВАЯ ТЕНЬ	9
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Седьмой круг

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Швейцарские Альпы, подземный дата-центр. 23:47.

Где-то глубоко под горой, в бетонном чреве, которое не знало солнечного света уже сорок лет, воздух пах озоном и холодным металлом. Вентиляция гудела с низкой, монотонной частотой — ровно сорок пять герц, — и этот звук въедался в память, как зубная боль, которую невозможно забыть. Серверы стояли в три ряда, чёрные стойки высотой в два человеческих роста, с зелёными и синими светодиодами, которые мигали в такт дыханию машин. Пол был бетонным, гладким, отполированным тысячами шагов людей, которых здесь уже не было. Стены — трёхметровой толщины, способные выдержать прямое попадание авиабомбы. Ни окон. Ни дверей, кроме одной — стальной, герметичной, с гидравлическим затвором, который открывался только по биометрии.

В центре зала стоял полукруглый стол из чёрного стекла. Семь кресел — чёрная кожа, хромированные подлокотники, — были расставлены по дуге, как места в театре, где зрители ждут представления, которого боятся. На столе — семь сенсорных панелей, вмонтированных в стекло. Никаких проводов, никаких клавиш, никаких следов человеческого прикосновения. Только светодиоды, которые ждали семи отпечатков пальцев.

Над столом висел экран — восемь метров в ширину, три в высоту, бесшовный, с разрешением, которое позволяло разглядеть каждую букву кода с любого расстояния. Сейчас на нём бежали строки — зелёные, на чёрном фоне, со скоростью, которую человеческий глаз не мог уловить. Команды сменяли друг друга, как кадры фильма, который никто не смотрел.

Семь фигур сидели в креслах. Семь теней в чёрном — мужчины и женщины, лица которых скрывали полумрак и опущенные капюшоны. Они не смотрели друг на друга. Они смотрели на экран.

Тишину нарушил звук шагов. От стальной двери, через весь зал, шла женщина с седыми висками. Она двигалась бесшумно, но её шаги отдавались в бетонных стенах эхом, которого не могло быть в этом помещении. Она была старше остальных — лет семьдесят, не меньше, — но держалась прямо, как струна, как человек, привыкший командовать, а не подчиняться. В руке она держала планшет. На его экране горела красная кнопка — единственная команда, которую не мог отменить никто. И она знала это.

Она подошла к столу, положила планшет на стеклянную поверхность. Коснулась сенсорной панели пальцем — указательным, правой руки. Остальные шесть фигур повторили движение без слов, без команд, без взглядов. Семь отпечатков пальцев синхронизировались.

На главном экране побежали новые строки:

«Хамелеон. Запуск подтверждён. Цель: глобальные логистические узлы. Режим: полная маскировка. Начало: 00:00 UTC».

Женщина с седыми висками подняла голову. Её глаза — холодные, почти бесцветные, с металлическим отливом, который бывает у старой стали, — смотрели на экран, но видели что-то другое. Будущее. В котором не было места тем, кто сейчас стоял у неё за спиной.

— Мы начали, — сказала она. Голос был сухим, без эмоций. — Они не поймут, что происходит, пока не станет слишком поздно.

Мужчина слева от неё — высокий, с накачанной шеей, обритой почти до кожи, и американским акцентом, который прорезался даже в одном слове, — откинулся на спинку кресла. Он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз.

— А если поймут? — спросил он.

— Не поймут. Мы слишком хорошо спрятали нити.

— А «Сигнал»?

Женщина повернулась к нему. Её взгляд стал острее, как лезвие.

— Сигнал уже знает. Глухарь предупредил их.

Американский акцент замер. Пальцы мужчины сжались в кулак на подлокотнике.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Глухарь всегда на шаг впереди. Это его единственная константа.

Она смотрела на него в упор. Ледяная синева против тёмного, почти чёрного.

— Ты дрожишь? — спросила она.

— Нет.

— Напрасно. Сигнал — это не угроза. Сигнал — это просто шум. Мы охотимся на них раньше, чем они охотятся на нас. И мы умнее.

Она развернулась и направилась к выходу. За ней поднялись остальные — бесшумно, синхронно, как марионетки, у которых оборвали нити. Семь фигур растворились в полумраке коридора, который вёл к стальной двери. Гидравлика зашипела, дверь открылась — и закрылась за ними с глухим металлическим стуком, который отозвался в бетонных стенах и затих через несколько секунд.

Остался только экран.

На нём алгоритм «Хамелеон» уже начал свою работу. Первая поддельная накладная — порт Роттердама, медицинское оборудование — ушла в систему через секунду после того, как последняя дверь закрылась. Вторая — Сингапур, контейнер с электроникой. Третья — Дубай, грузовики с запчастями.

Строки кода бежали, как вода, и в них не было ничего человеческого.

Только холод. Только точность. Только машина, которая готовилась переписать реальность.

Буэнос-Айрес, квартира Киры. 23:47 (совпадает с 3:47 в Швейцарии).

За шесть тысяч километров от Швейцарии дождь заливал Буэнос-Айрес так, будто город решили утопить. Вода обрушивалась на крыши с яростью, которую помнят только тропические ливни, — небо разрывалось на части, и каждая капля падала с такой силой, что казалось, она может пробить асфальт. Ветер гнал по улицам листья, которые упали с деревьев неделю назад, но так и не сгнили, — они кружились в воздухе, как серые птицы, которые не могут найти гнездо. Запах озона, влажной земли и дальнего моря смешивался с выхлопами редких машин, которые решались выехать в такую погоду.

Кира Соболева спала на продавленном диване, когда телефон издал сигнал. Не звонок — короткий, пронзительный звук, который она научилась узнавать даже в самом глубоком сне. За четыре года бегства, поддельных паспортов и постоянного чувства, что за тобой следят, её организм перестал реагировать на обычные шумы. Но этот звук — сигнал экстренного сообщения — пробивал даже самые толстые стены усталости.

Она открыла глаза мгновенно, без перехода. Рука сама нашла телефон на тумбочке. Экран горел ярко, и она прищурилась, привыкая к свету. Одно сообщение. Неизвестный номер — система Зее замаскировала его так, что даже она не могла бы отследить отправителя.

Кира смахнула блокировку.

«Они запустили "Хамелеона". Первая цель — логистика. Через месяц хаос остановит экономику. Остановите их, или следующим будет ваш след».

И в самом низу — подпись, от которой у Киры похолодело в груди:

«Глухарь».

Она перечитала сообщение трижды. Каждое слово впивалось в мозг, как игла. Холодный пот выступил на затылке, и Кира села на диване, прижимая телефон к груди, будто это могло защитить её от того, что она только что прочитала.

Дождь за окном усилился. Струи воды разбивались о стекло с такой силой, что казалось — город пытается вымыть саму память о ней. Но Кира знала: память не смывается. Она остаётся. Как шрамы от Майами, как запах кофе, который она больше не могла переносить, как имя, которое она носила — Анна Вебер, — но которое никогда не стало ей родным.

Она встала с дивана, прошла к окну. В отражении стекла она увидела своё лицо — уставшее, с тенями под глазами, с морщинками, которых не было четыре года назад. Она выглядела на свои тридцать пять, но чувствовала себя на все пятьдесят. Бегство, страх, постоянная готовность сорваться с места в любую секунду — это старит быстрее, чем время.

Она набрала номер. Сиссе ответил на втором гудке. Голос его был хриплым, будто он только что проснулся — или не спал вовсе.

— Ты тоже это видел? — спросила Кира.

— Видел. Что думаешь?

— Я думаю, что Глухарь никогда не ошибается, — ответила она. — Если он говорит, что это серьёзно, значит, это серьёзно.

— А если это ловушка?

Кира закрыла глаза. Дождь барабанил по стеклу. Где-то в Швейцарии, возможно, сейчас было тихо и сухо. Возможно, там, под горой, кто-то уже улыбался, глядя на экран с запущенным алгоритмом.

— Если это ловушка, — сказала она медленно, — то мы всё равно должны войти в неё. Потому что если мы не сделаем этого, то через месяц она найдёт нас сама.

Она отключилась и подошла к окну. В отражении стекла она снова увидела своё лицо — уставшее, но не сломленное. Она дышала. Она была жива. Этого пока было достаточно.

Кира села за ноутбук, открыла защищённый канал и набрала короткое сообщение для всей команды:

«Встреча через час. Зашифрованный канал. Всем быть. Это важно».

Отправила.

Закрыла ноутбук.

Дождь за окном не стихал. Он лил, как будто хотел смыть с лица земли всё, что было до этого момента. Но Кира знала: прошлое не смывается. Оно остаётся в памяти, в шрамах, в тех, кого мы любим и боимся потерять.

Где-то в Швейцарии, под горой, алгоритм продолжал работать. Где-то в мире уже начали генерироваться первые поддельные документы. Где-то люди, которые не знали друг друга, начинали умирать от решений, принятых в бетонной тишине.

А Кира сидела в своей маленькой квартире в Буэнос-Айресе, смотрела на дождь и ждала рассвета.

— Мы остановим вас, — сказала она пустоте.

Ветер за окном стих. На секунду.

А потом дождь начался снова.

ЧАСТЬ 1. ЦИФРОВАЯ ТЕНЬ

ГЛАВА 1

Буэнос-Айрес, квартира Киры. 6:30 утра.

Дождь в Буэнос-Айресе не прекращался уже вторые сутки. Он лил с монотонным упорством, превращая улицы в мутные реки, а небо — в серую вату, которая давила на город, не давая ему вздохнуть. Вода стекала по стёклам, искажая очертания старого здания на улице Бульнес, где на третьем этаже, в маленькой квартире с облупившейся штукатуркой и запахом сырости, жила Анна Вебер — швейцарская журналистка, приехавшая в Аргентину писать статьи о культуре и истории.

На самом деле её звали Кира Соболева.

Она лежала на продавленном диване, глядя в потолок с коричневым пятном от старой протечки. Шторы были задёрнуты, но в щель пробивался серый, безнадежный свет, который бывает только в Буэнос-Айресе в середине зимы. На тумбочке стоял стакан воды — нетронутый, как и прошлой ночью. Кофе в этой квартире не водился. Кира не держала его с тех пор, как в Майами отравили её напиток. С тех пор она пила только воду. И иногда зелёный чай, но только если заваривала сама.

Она села, потянулась, хрустнув шеей. Тело ныло — это было постоянное состояние последние четыре месяца. Буэнос-Айрес был хорош для бегства, но плох для жизни. Слишком шумно, слишком влажно, слишком много взглядов, которые могли оказаться слезкой. Каждое утро она просыпалась с одним и тем же вопросом: «Сегодня?» — и каждый день получала один и тот же ответ: «Нет. Ещё не сегодня».

Кира включила ноутбук. Экран осветил комнату — маленькую, с обшарпанными стенами, дешёвым ковром на полу и кухонным уголком, где на плите стояла кастрюля с остывшей водой. Она сделала глоток из стакана, поморщилась — вода была комнатной температуры, безвкусной. Идеально.

Новостной портал загрузился медленно — интернет в этом районе был хуже, чем в некоторых деревнях на севере Аргентины. Кира пролистала ленту. Война в какой-то стране, скандал в парламенте, новый вирус в Азии. Всё как обычно. И в самом конце — заметка, которая заставила её замереть.

«В порту Роттердама задержан контейнеровоз с подозрительными документами. Груз — медицинское оборудование — арестован».

Кира прищурилась. Она открыла полную статью. На фото — унылая таможенная зона, оранжевые контейнеры, полицейские в жёлтых жилетах. В тексте говорилось о «несоответствии сопроводительных документов». Стандартная фраза для новостей такого рода. Но Кира знала: стандартных фраз не бывает.

Она нажала на фотографию документов, которые прилагались к новости. Таможенная накладная, сертификат происхождения, подписи, печати. Кира приблизила изображение. Сначала ничего. Потом — она увидела это.

Печать была сдвинута вправо. На микрон. На три десятых миллиметра.

Кира замерла.

Это было то самое смещение, которое она заметила в других новостях. Задержаниях в Сингапуре и Дубае. Те же самые документы. Те же самые печати. Те же 0,3 миллиметра вправо. Странность, на которую никто не обратил внимания. Но она — заметила. Потому что она была аналитиком паттернов. Потому что она видела то, что «не складывалось».

Она взяла телефон. Пальцы летали по экрану. Зашифрованный канал, который Зее создала для экстренной связи.

— Сэм, ты здесь? — голос её звучал глухо в пустой квартире.

Ответ пришёл через две секунды в виде текста: «Здесь. Что случилось?»

Кира сфотографировала экран с новостью и отправила:

«Посмотри на печать».

Пауза. Три секунды. Десять. Сэм перезвонил сам — это было необычно. Он редко звонил, предпочитая текст. Голос в трубке был напряжённым.

— Кира, я вижу, — сказал он. — Это не подделка. Это... это то же самое, что в Сингапуре и Дубае. Ты видишь?

— Вижу. Это уже третья за неделю.

Она слышала, как он дышит в трубку. Сэм всегда тяжело дышал, когда думал. Это была одна из его привычек, которую она научилась читать за годы работы.

— Третья? — переспросил он. — Я насчитал только две.

— Дубай, Сингапур, Роттердам. Все задержания за поддельные документы. Все грузы — медицинское оборудование. Все печати — сдвинуты вправо на 0,3 миллиметра.

Сэм молчал. Кира знала: он проверял данные у себя. Через минуту он сказал:

— Ты права. Три случая. Все одинаковые. Кто-то использует генератор документов. Автоматический. Печать всегда смещается в одну сторону. Это не человеческая ошибка. Это алгоритм.

— Можешь проверить через «Цербер»?

— Уже запускаю. «Цербер» анализирует.

Кира отложила телефон и подошла к окну. Дождь лил, как и вчера. Город тонул в серости. Она смотрела на улицу, где мокли редкие прохожие, и думала о том, кто мог стоять за этими документами. Кто-то с доступом к высокотехнологичному оборудованию. Кто-то, кто знал, как обойти системы безопасности портов. Кто-то, кто хотел остановить поставки медицинского оборудования в... куда?

Она открыла статью снова. Груз направлялся в Африку. В одну из стран с нестабильной политической ситуацией. Точное место назначения было засекречено, но Кира знала, где искать.

— Сэм, — сказала она в трубку, когда он вернулся. — Кто получатель груза?

— Африканский Красный Крест. Официально.

— А неофициально?

— Неофициально? — Сэм замялся. — Там какая-то местная организация. «Хабиби Фаундейшн». Никогда не слышал.

— Проверь. Может быть, это подставная фирма.

— Уже проверяю.

Кира отключилась и снова подошла к окну. Дождь за окном усиливался. Она смотрела на серое небо, на мокрые крыши, на редкие машины, которые пробивались сквозь потоки воды. Город жил своей жизнью, не зная, что где-то в Роттердаме, Сингапуре и Дубае кто-то уже начал игру, в которой ставкой были жизни тысяч людей.

Она вернулась к ноутбуку, открыла защищённый чат, где уже начали собираться сообщения от команды. Хадижа: «Проверяю финансовые связи». Зее: «Запускаю анализ алгоритма». Лёха: «Мои люди в Дубае проверят контейнер». Сиссе: «Я в Буэнос-Айресе. Если нужно — выезжаю».

Кира смотрела на экран, на бегущие строки сообщений, и чувствовала, как знакомый холодок пробегает по спине. Холодок, который всегда появлялся перед началом нового расследования. Перед тем, как они вступали в игру, в которой не было правил.

Что-то начиналось. Что-то гораздо большее, чем просто фальшивые документы. И она знала: где-то в Швейцарии, под горой, кто-то уже запустил этот механизм.

Она закрыла ноутбук, взяла стакан с водой, сделала глоток. Вода была холодной и безвкусной. Идеально.

Кира посмотрела на часы. 6:47 утра. Дождь не стихал.

Она подошла к окну, положила ладонь на холодное стекло, и прошептала:

— Мы найдём вас.

Ветер за окном усилился. Дождь забарабанил по стеклу с новой силой.

Где-то в мире уже началась война. И она знала: это только начало.

ГЛАВА 2

Торонто, подвал Хадижи. 8:30 утра (совпадает с 14:30 в Берлине).

В Торонто дождя не было. Было серо, влажно, с низкими облаками, которые висели над городом, как мокрое одеяло, не давая солнцу пробиться сквозь их толщу. Подвал на Блур-стрит-уэст пах кофе, озоном и старой бумагой — тем особенным запахом архивов, где документы хранятся годами, набираясь пыли и времени. Вдоль стен — стеллажи с коробками, на которых маркером написано: «Гераклит», «Африканский корпус», «Голоса», «Финансы», «CL-3000», «Фитофаг». Теперь — новая папка: «Хамелеон».

Хадижа сидела за своим рабочим столом, перед тремя мониторами, и сжимала в руке чашку с кофе, который давно остыл. Рядом — ноутбук Zee, подключённый к спутниковой связи. На экране — лицо хакера, бледное, с красными глазами, подведённое бессонной ночью. Zee была в Берлине, но через камеры казалось, что она сидит напротив, за тем же столом, где когда-то стояли другие серверы, другие мониторы, другие угрозы.

— Ты видела новости из Роттердама? — спросила Хадижа.

— Кира скинула, — ответила Zee. Голос у неё был севший, с хрипотцой — она не спала уже больше суток. — Я проверяю другие порты.

— Нашла что-то?

— Пока нет. Но «Цербер» сканирует.

Хадижа открыла на центральном мониторе таблицу, которую начала составлять ночью. Колонки: дата, порт, груз, статус, примечания. Пока было только три записи: Сингапур, Дубай, Роттердам. Но она знала — их будет больше. Если кто-то систематически подделывает документы, значит, это не разовые акции. Это операция. А операции имеют масштаб.

— У тебя есть гипотезы? — спросила Хадижа.

— Гипотезы? — Zee усмехнулась — сухо, без радости. — У меня есть факты. Три случая. Один алгоритм. Одно смещение печати. Это не случайность.

— А что?

— Кто-то использует автоматический генератор документов. Машина печатает, подписывает, ставит печати. Но у неё есть баг — или фича — смещение в 0,3 миллиметра. Человек бы не допустил такой ошибки. Машина — да.

— Значит, они используют ИИ?

— Или просто программу. Не обязательно ИИ. Но автоматическую. Без человеческого контроля.

Хадижа отпила остывший кофе, поморщилась, но не отставила чашку.

— Зачем им подделывать документы на медицинское оборудование?

— Чтобы остановить поставки.

— В Африку?

— Да. В страны с нестабильной политической ситуацией.

Хадижа открыла карту Африки на втором мониторе. Отметила страны, которые получали гуманитарную помощь от Красного Креста и других организаций. Мали, Нигер, Чад, Сомали, Южный Судан. Все — с нестабильными режимами, с коррупцией, с вооружёнными конфликтами. Все — где медицинское оборудование могло спасти тысячи жизней.

— Если остановить поставки в эти страны, — сказала она, — люди начнут умирать. Не от вирусов, не от отравлений. От нехватки лекарств. От нелеченных болезней.

— А Гераклит?

— Гераклит мёртв.

— Значит, кто-то новый.

Хадижа сжала кулаки. Ей хотелось верить, что Гераклит действительно уничтожен. Что Волохов, Ли Мин и Левин были последними. Но она знала — организации, подобные Гераклиту, не исчезают полностью. Они мутируют, перерождаются, находят новых лидеров.

— Проверь Гамбург, — сказала она.

Zee кивнула, что-то напечатала на клавиатуре. Через минуту на экране Хадижи появилось новое окно — отчёт о задержании в порту Гамбурга. Контейнер с лекарствами, направленный в Ливию. Документы — подозрительные. Печать — смещена вправо.

— Четвёртый случай, — сказала Хадижа.

— На этой неделе.

— Четыре порта. Четыре контейнера. Всё — медицинское оборудование. Всё — в Африку.

— Кто-то хочет остановить помощь.

— Или создать хаос.

Хадижа откинулась на спинку стула. Она чувствовала знакомый холодок в груди — тот самый, который появлялся всегда, когда они начинали новое расследование. Он не был приятным, но он был знакомым. И он говорил ей: «Ты на правильном пути».

— Zee, проверь «Хабиби Фаундейшн».

— Что это?

— Получатель груза из Роттердама. Красный Крест — официально. Неофициально — «Хабиби Фаундейшн».

— Проверяю.

Zee замолчала, печатая. Хадижа слышала, как её пальцы летают по клавиатуре — быстро, почти не останавливаясь. Код, которым она владела, был для неё языком, на котором она думала быстрее, чем на русском или немецком.

Через минуту Zee сказала:

— «Хабиби Фаундейшн» зарегистрирована в Швейцарии. Учредитель — неизвестен. Номинальные директора — юристы. Счета — в «Credit Suisse». Там же, где была ячейка Лэнгдона.

— Совпадение?

— Я не верю в совпадения.

Хадижа открыла новый документ, начала писать. Имена, даты, факты. Всё, что они знали о контейнерах, о поддельных документах, о смещении печати. Всё, что могло пригодиться для расследования.

— Нужно предупредить остальных, — сказала она.

— Я уже отправила сообщение в общий чат.

— Хорошо.

Хадижа отпила ещё глоток кофе. Он был уже совсем холодным, но она не заметила. Она смотрела на карту мира, на которой горели четыре красные точки — Роттердам, Сингапур, Дубай, Гамбург. Четыре порта. Четыре контейнера. Четыре угрозы.

— Что ты думаешь? — спросила она.

— Думаю, что мы не знаем и половины, — ответила Zee. — Если они делают это с медицинским оборудованием, значит, они делают это и с другими грузами. Мы просто не нашли их пока.

— Ты думаешь, это новая организация?

— Да.

— Как назовём?

— Сначала найдём. Потом назовём.

Хадижа кивнула. Она закрыла документ, который начала писать, и открыла новый. Заголовок: «Операция „Хамелеон“. Рабочие материалы».

Она начала печатать.

Торонто, подвал Хадижи. 9:15 утра.

Зее снова вышла на связь.

— Хадижа, я нашла кое-что.

— Что?

— Пятый случай. Шанхай. Контейнер с медикаментами. Задержан вчера.

— Печать?

— Та же. 0,3 миллиметра вправо.

Хадижа закрыла глаза. Пять портов. Пять контейнеров. Пять стран. И всё за одну неделю.

— Это не просто операция, — сказала она. — Это начало.

— Чего?

— Я не знаю. Но мы должны это узнать.

Она открыла общий чат и написала:

«Встреча через час. Зашифрованный канал. Новая угроза».

Ответы пришли почти сразу.

Кира: «Я готова».

Сиссе: «Жду».

Сэм: «Подключаюсь».

Лёха: «Я в Дубае. Готов».

Глухарь: «...»

Хадижа смотрела на его ответ. Троекотие. Ни «да», ни «нет». Просто тишина. Но она знала — Глухарь будет. Он всегда был.

Она закрыла ноутбук, подошла к окну. Подвал выходил в маленький садик с редкими деревьями. За стеклом — серый, влажный день. Обычный день в Торонто. Но она знала: для них он не будет обычным.

— Война начинается, — сказала она пустоте.

Ветер за окном стих.

ГЛАВА 3

Защищённый канал. 10:00 UTC.

Экран ноутбука Киры разделился на четыре серых прямоугольника — зашифрованный видеоканал, который Zee настроила за пятнадцать минут до начала. Качество было плохим, изображение рябило, голоса звучали с задержкой в полсекунды, но это была цена безопасности. Канал прыгал через три континента, маскируясь под обычный трафик, и ни один сервер в мире мог отследить его источник.

Кира сидела в своей квартире в Буэнос-Айресе, на диване, с ноутбуком на коленях. За окном всё ещё шёл дождь, но теперь он был тише — как будто город уставал, как и она. На экране — лица Хадижи, Сэма и Zee. Четвёртое окно было пустым — Глухарь не подключился. Никто не спрашивал, почему.

— Все на месте, — сказала Хадижа. Её голос был спокойным, но Кира знала: за этим спокойствием скрывается напряжение, которое не отпускало их всех последние несколько дней.

— Кроме Глухаря, — заметил Сэм.

— Он придёт, когда будет готов, — ответила Кира. — Мы начинаем без него.

Zee кивнула. Её лицо на экране было бледным, с тенями под глазами, но руки двигались быстро — она уже открывала файлы, подключала аналитические модули «Цербера».

— Я собрала все данные по задержанным контейнерам за последнюю неделю, — сказала она. — Пять случаев: Роттердам, Сингапур, Дубай, Гамбург, Шанхай. Все — медицинское оборудование. Все — в Африку. Все документы — с одинаковым смещением печати.

— Ты уверена, что это один и тот же генератор? — спросил Сэм.

— «Цербер» проверил. Вероятность случайного совпадения — меньше одной миллиардной.

Кира сжала кулаки. Она знала, что Zee не ошибается. Если «Цербер» сказал «одна миллиардная», значит, это было так же точно, как закон физики.

— Покажи, — сказала она.

Zee открыла файл. На экране появились пять изображений — сканы документов из каждого порта. Хадижа увеличила одно из них, показав печать. Кира прищурилась. Смещение было микроскопическим — всего 0,3 миллиметра вправо. Но оно было везде. В каждом документе. В каждом порту.

— Это не человеческая ошибка, — сказал Сэм, разглядывая изображения. — Люди не могут повторять одну и ту же ошибку с такой точностью в разных странах, в разное время.

— Значит, автоматическая система, — подтвердила Zee.

— Или алгоритм.

Сэм замолчал, глядя на экран. Его лицо было сосредоточенным, как всегда, когда он сталкивался с новой загадкой. Он не был аналитиком, как Кира, и не был программистом, как Zee. Он был учёным. Он видел системы там, где другие видели хаос.

— Я могу проверить, — сказал он. — Если это алгоритм, у него будет «почерк». Цифровой отпечаток.

— Какой? — спросила Хадижа.

— Способ генерации. Ошибки, которые он делает. Временные метки. Структура документов. Даже если печати одинаковые, алгоритм оставляет следы. Я найду их.

— Сколько времени? — спросила Кира.

— Если «Цербер» поможет — несколько часов.

Zee кивнула. Она уже открывала терминал, вводила команды, подключала аналитические модули.

— Я дам тебе доступ к данным, — сказала она. — «Цербер» будет искать паттерны.

Сэм кивнул, отодвинул ноутбук и взял планшет. На экране его лица появилась тень сосредоточенности. Он отключил микрофон, чтобы не мешать остальным.

— Пока он ищет, — сказала Хадижа, — что мы знаем о получателях?

— «Хабиби Фаундейшн», — ответила Кира. — Организация, которая получала груз из Роттердама. Зарегистрирована в Швейцарии. Счета в «Credit Suisse».

— Я проверила, — добавила Зее. — «Хабиби Фаундейшн» не имеет ни одного зарегистрированного проекта. Ни одной программы помощи. Ни одного отчёта о потраченных средствах.

— Пустышка?

— Да. Подставная фирма.

— Кто учредитель?

— Номинальные директора. Юристы. Цепочка ведёт в офшор на Виргинских островах.

— Как в старые времена, — сказала Хадижа. — Та же схема, что у «Green Legacy».

— Только новое имя.

Кира почувствовала, как холодок пробежал по спине. «Green Legacy» была компанией, через которую Гераклит скупал земли под древними деревьями. Та же структура, та же схема. Но Гераклит был мёртв. Или нет?

— Это могут быть остатки Гераклита, — сказала она.

— Или новая организация, — ответила Хадижа.

— Или те же люди под другим именем.

Разговор прервал голос Сэма. Он снова включил микрофон. Лицо его было бледным, как у Зее.

— Я нашёл, — сказал он.

— Что? — спросила Кира.

— «Цербер» проанализировал структуру документов. Они созданы одним алгоритмом. Не просто похожи — идентичны. Структура предложений, расположение полей, даже ошибки в датах. Алгоритм использует одну и ту же шаблонную систему.

— У него есть имя?

— Нет. Но я дал ему.

Сэм помолчал. Когда он заговорил, голос его был тихим, почти шёпотом.

— «Хамелеон».

Кира подняла бровь.

— Почему «Хамелеон»?

— Потому что он меняет цвет, но не меняет суть. Подделывает документы под разные порты, разные страны, разные грузы, но всегда оставляет один и тот же след. Смещение печати. 0,3 миллиметра. Как хамелеон, который меняет цвет, но не может изменить рисунок на коже.

— Красиво, — сказала Зее. — Поэтично.

— Я не поэт, — ответил Сэм. — Я биолог. Но это имя подходит.

Кира смотрела на экран, где горела схема алгоритма. Зелёные линии, жёлтые точки, красные маркеры. «Хамелеон». Имя, которое Сэм дал машине, которая подделывала реальность.

— Если это алгоритм, — сказала она, — значит, кто-то его создал. Кто-то запустил. Кто-то контролирует.

— Да, — подтвердила Зее. — И если мы найдём создателя, мы найдём организацию.

— Или наоборот, — добавил Сэм. — Если мы найдём организацию, мы найдём создателя.

Хадижа открыла новый документ, начала печатать.

— Я начинаю расследование, — сказала она. — «Хамелеон», «Хабиби Фаундейшн», «Credit Suisse», офшоры. Будем копать.

— Я помогу с данными, — сказала Зее.

— А я — с логикой, — добавил Сэм.

Кира посмотрела на них. На эти три лица на экране — уставшие, напряжённые, но не сломленные. Она чувствовала то же самое. Усталость, которая стала постоянным спутником. И решимость, которая не давала остановиться.

— Мы найдём их, — сказала она. — Как всегда.

— Как всегда, — повторил Сэм.

Зее кивнула.

Хадижа улыбнулась — устало, но тепло.

Кира закрыла ноутбук.

За окном дождь стих. Впервые за два дня.

Она подошла к окну, посмотрела на чистое небо, которое начинало проясняться на западе.

— Всё начинается снова, — сказала она пустоте.

Где-то в мире алгоритм продолжал работать. Где-то уже генерировались новые документы. Где-то люди, которых она не знала, готовили новые удары.

Но она знала: они готовы.

Всегда готовы.

ГЛАВА 4

Буэнос-Айрес, квартира Киры. 3:47 ночи.

Тишина в маленькой квартире на улице Бульнес нарушалась только редкими звуками ночного Буэнос-Айреса — где-то вдалеке лаяла собака, по мокрому асфальту проехала машина, ветер гнал по карнизу сорванные листья. Дождь наконец прекратился, оставив после себя влажный, тяжёлый воздух, который пропитал стены, одежду, кожу. Кира лежала на диване, но не спала. Она смотрела в потолок и думала о «Хамелеоне». Об алгоритме, который подделывал реальность. О пяти контейнерах в пяти портах. О том, кто стоял за этим.

Телефон на тумбочке издал короткий, пронзительный сигнал.

Кира села мгновенно, без перехода, как делала всегда. Рука сама нашла телефон, пальцы смахнули блокировку. Одно сообщение. Неизвестный номер. Но она знала, кто это.

«Я нашёл, откуда идёт сигнал. Не алгоритм. Ключи. Семь ключей. Без них «Хамелеон» нельзя остановить. Ключи хранятся в семи точках: Швейцария, Сингапур, ОАЭ, США, Бразилия, ЮАР, Россия. Я передаю координаты. Используй их с умом. Глухарь»

Кира перечитала сообщение трижды. Семь ключей. Семь точек по всему миру. Это было похоже на старые игры Гераклита — разбросать части кода по разным странам, чтобы никто не мог собрать их воедино. Но Гераклит был мёртв. Значит, это делал кто-то другой.

Она открыла прикреплённый файл. Координаты, зашифрованные так, что даже Зее пришлось бы повозиться. Но Кира знала, что нужно делать. Она сохранила файл в защищённую папку, закрыла сообщение и набрала номер.

Сиссе ответил на втором гудке. Голос его был сонным, но в нём уже прорезалась настроенность.

— Что случилось?

— Глухарь вышел на связь. Он прислал координаты.

— Какие?

— Семь ключей доступа к «Хамелеону». Без них мы не можем остановить алгоритм.

Сиссе молчал несколько секунд. Кира слышала, как он дышит в трубку — ровно, спокойно, как человек, привыкший к неожиданностям.

— Где они?

— Швейцария, Сингапур, ОАЭ, США, Бразилия, ЮАР и Россия.

— По всему миру.

— Да. Как у Гераклита.

— Это может быть ловушкой.

— Может. Но если это правда — у нас нет выбора.

Сиссе вздохнул. Кира знала этот вздох — он всегда означал, что он согласен, даже если не хочет этого показывать.

— Что будем делать?

— Собирать команду. Сейчас.

Кира отключилась и открыла зашифрованный чат.

«Всем. Глухарь вышел на связь. Семь ключей. Координаты в приложении. Нужно собрать их все. Обсуждение через час».

Ответы пришли почти сразу.

Хадижа: «Я с тобой».

Зее: «Расшифровываю координаты. Жди».

Сэм: «Я готов».

Лёха: «Мои люди в ОАЭ могут помочь».

Глухарь: «...»

Кира смотрела на его трюточие. Он всегда оставлял их. Как будто не хотел говорить слишком много. Как будто знал больше, чем мог сказать.

Она закрыла чат, подошла к окну.

Ночной Буэнос-Айрес блестел мокрым асфальтом и редкими огнями. Где-то в Швейцарии, под горой, алгоритм продолжал работать. Где-то в Сингапуре, Дубае, Гамбурге и Шанхае уже генерировались новые документы. А где-то — она не знала где — семь ключей ждали тех, кто сможет их собрать.

Она представила себе этих семерых. Где они сейчас? Спят ли они? Знают ли они, что хранят в своих руках ключи, которые могут остановить или запустить хаос? Или они просто выполняют приказы, не задавая вопросов, как и многие другие, которых она встречала на своём пути?

Ветер за окном качнул ветку старого платана. Листья зашуршали по стеклу, и Кира вздрогнула — ей показалось, что кто-то стоит в темноте за окном. Но там никого не было. Только отражение её собственного лица в стекле.

Она отошла от окна и начала собираться. До встречи с командой оставалось сорок минут. Нужно было успеть привести мысли в порядок.

Она села за ноутбук и открыла координаты, которые прислал Глухарь. Семь точек. Семь стран. Семь неизвестных хранителей. И всего несколько дней, чтобы собрать ключи, прежде чем «Хамелеон» сделает своё дело.

Кира закрыла глаза на мгновение. Когда она их открыла, в них уже не было усталости. Только холодная, ясная решимость.

— Мы найдём вас, — сказала она пустоте.

Ветер за окном стих.

На секунду.

А потом начался новый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.